

Глава 1

«Сказание церковное» в славянской рукописной традиции XII–XVI вв.

§ 1. «Сказание церковное» — древнеславянский перевод «Церковной истории» патриарха Германа I

«Сказание церковное» — это древнеславянский перевод сочинения, приписываемого византийскому патриарху Герману I (†730), «Сказание о церкви и рассмотрение таинств»¹. Греческий текст этого сочинения дошел до нас в четырех основных редакциях: *A, B, C, D*, внутри которых выделяются подтипы. Приведем характеристику основных типов греческого текста по классификации Рене Борнера [Bornert 1966: 125–142]. Тип *A* — краткий текст, который признается наиболее ранним вариантом; в большинстве списков не имеет атрибуции какому-либо автору. Тип *B* — представляет собой интерполированный текст *A*. Борнер выделяет в этом типе два основных подтипа *B1* и *B2*, которые предшествовали сложению типа *B*: *B1* имеет интерполяции, содержащие толкование монашеских одеяний; *B2* включает в себя вставки фрагментов из «Тайноводства» св. Максима Исповедника и писем св. Исидора Пелусийского. Тип *B* объединяет в себе вставки в подтипах *B1* и *B2*. Тип *C* представляет собой другой вариант разви-

1 Γερμάνου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως ἱστορία ἐκκλησιαστικὴ καὶ μυστικὴ θεωρία // PG. 1860. Vol. 98. Col. 383–453. Мы не будем рассматривать здесь второй перевод «Церковной истории», сделанный в XVII в. Евфимием Чудовским с более поздней версии греческого текста.

тия типа *A*. И наконец, тип *D* является развитием типа *B*, который представлен в двух разновидностях *D1* и *D2*. В последнем варианте текста, в подтипе *D2*, вставлены фрагменты из «Протеории» Николая Андидского¹.

Древнеславянский перевод был сделан с редакции *B* греческого текста. Он содержит интерполяции в виде глав 15, 17, 18, 21 и 22 из «Тайноводства» св. Максима Исповедника, а также выдержки из писем 1, 122, 136, и 228 св. Исидора Пелусийского. Кроме этого в текст добавлены фрагменты, толкующие монашеские одеяния [Bornert 1966: 132–137]. С этой же редакции греческого текста был осуществлен латинский перевод, выполненный Анастасием Библиотекарем во время своего пребывания на Константинопольском Соборе 869–870 гг. [Thomson 1986: 44]. Анастасий был современником свв. братьев Кирилла и Мефодия и имел с ними плодотворные контакты [Стоянова 2004: 302–304].

Некоторые славянские списки «Сказания церковного» имеют атрибуцию св. Василию Великому, что породило в славистике споры о том, действительно ли это произведение принадлежит святителю [Куев 1981: 327–328, Стоянова 1997: 57–64]. Многие греческие списки памятника также имеют атрибуцию св. Василию. По мнению Р. Борнера, имя св. Василия Великого чаще всего встречается в заглавиях этого произведения, причем в наиболее древних списках. Атрибуция патриарху Герману, наоборот, свойственна поздним спискам и встречается гораздо реже. Тем не менее, авторство Германа кажется Борнеру наиболее вероятным. Исследователь приводит исторические и литургические факты и доказывает, что трактат «Церковная история» в своем первоначальном варианте (редакция *A*) действительно может быть связан с деятельностью св. Германа. Кроме того, Борнер проводит сопоставительный анализ языка и стилистики «Церковной истории» с другими произведениями патриарха и приходит к вы-

1 Николай Андидский (в Памфилии, М. Азия) — византийский богослов конца XI в. Его сочинение «Протеория» символически трактует части христианского богослужения на основе устава храма Св. Софии в Константинополе. Славянский перевод этого толкования не известен, фрагменты «Протеории» в составе редакции *D2* сочинения св. Германа были впервые переведены в XVII в. Евфимием Чудовским.

воду, что трактат содержит большое число характерных выражений, содержащихся в произведениях, которые однозначно принадлежат св. Герману [Bornert 1966: 142–160].

Древнеславянский перевод трактата был впервые введен в научный оборот Н.Ф.Красносельцевым. Он опубликовал текст по древнейшему списку (ГИМ, Син. 262) и высказал предположение, что автором перевода является Константин Преславский, поскольку язык и манера перевода схожи с переводом Учительного евангелия, находящегося в этой же рукописи. По мнению Красносельцева, Константин не только переводил, но и сам вводил в текст перевода некоторые дополнения. [Красносельцев 1885: 317–318].

А.И.Соболевский считал, что древнеславянский перевод «Сказания церковного» был сделан в Моравии наряду с толкованиями к Апокалипсису Андрея Кесарийского и Житием Иоанна Милостивого. В доказательство локализации перевода Соболевский приводит лингвистические доводы — лексические и некоторые фонетические данные. На моравское происхождение перевода, по его мнению, указывают слова, имеющиеся также в древнеславянских переводах, сделанных в моравский период с латыни: в «Беседах» папы Григория Великого, в Киевских глаголических листках, в Житии св. Бенедикта и в Никодимовом евангелии. Это такие слова, как *кѣрнѣма* (μύρον), *брашьньце*, *брашьновати* (μεταλαμβάνειν), *велнка ноць* (πάσχα), *навлацьствѣнѣ*, *скрѣнѣ* (κίβωτος), *остѣжь* (χλαμίδα), *тѣрѣтъ* (κουστόδια), *прапрѣдѣнь*. Также в тексте немало кирилло-мефодиевских слов, таких как *ннѣаѣдѣ*, *ннѣдѣшнѣ*, *нѣпрѣдѣнь*, *прѣпатнѣ*, *ран* [Соболевский 1900: 19–20].

В современной славистике перевод «Сказания церковного», вопреки точке зрения А.И.Соболевского, связывают с именем епископа Константина Преславского [Кувев 1981: 321]. По справедливому замечанию Ф. Томсона, эта атрибуция не имеет до сих пор никаких серьезных обоснований. Она базируется лишь на том, что древнейший список «Сказания церковного» находится в одной рукописи вместе с Учительным евангелием, Прологом к нему и Азбучной молитвой, приписываемым Константину. Томсон не разделяет точку зрения А.И.Соболевского о моравском происхождении перевода памятника и считает, что он был выполнен

в Болгарии. Чтобы обосновать атрибуцию «Сказания церковного» Константину, необходимо сравнить его с другими произведениями этого же автора [Thomson 1986: 42, 48].

В настоящее время известно четыре списка «Сказания церковного». Древнейший хранится в Синодальном собрании ГИМа под номером 262, это русский список второй половины XII в. [СК XIV: 566]. Кодекс, возможно, создан в Ростово-Суздальском регионе Древней Руси и мог принадлежать как самому епископу Кириллу [Соболевский 1910: 205–207], так и ростовскому князю Константину Всеволодовичу [Голышенко 1963: 45–64]. Новая датировка и локализация кодекса была предложена Е. В. Ухановой на основании анализа миниатюр в рукописи. По мнению исследователя, она относится к рубежу XI–XII вв. и происходит из библиотеки Владимира Мономаха [Уханова 2009: 134–137]. Мы будем придерживаться новой датировки, которая, по устному сообщению А. А. Турилова, может быть отнесена к периоду не позднее первой половины XII в. Рукопись содержит сочинения, приписываемые болгарскому книжнику Константину Преславскому: Учительное евангелие, Азбучную молитву и «Историкию» (хронологический перечень лиц и событий от сотворения мира до IX в.). «Сказание церковное» по этому списку с параллельным греческим текстом по рукописи Синодального собрания ГИМа № 327 и Ватиканской библиотеки № 790 было издано Н. Ф. Красносельцевым в 1885 г. [Красносельцев 1885: 323–375].

Следующий по времени список хранится в Венской национальной библиотеке под шифром *cod. slav. 12*. Это сербская рукопись, происходящая из Хиландарского монастыря на Афоне [Яцимирский 1921: 187–189]. В настоящее время она датируется третьей четвертью XIII в.¹ Начальная часть кодекса состоит из пергаменных листов и содержит Пандекты Антиоха. «Сказание церковное» находится на вшитых бумажных листах 144–154. Текст по этому списку не издавался и привлекался исследователями частично².

1 Датировка рукописи уточнена А. А. Туриловым.

2 В работе К. Куева прокомментированы некоторые лексические варианты Венского списка [Куев 1981: 360–365]

Третий список относится к 1348 г. и находится в так называемом «Сборнике царя Александра» среднеболгарского извода, хранящемся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге под шифром F.I.376. Кодекс написал инок Лаврентий, поэтому его также называют Лаврентьевским списком. Сборник изучался К. Куевым, посвятившим ему специальную монографию. Автор сравнил текст «Сказания церковного» с Синодальным списком и со списком из собрания Барсова №1498 и сделал вывод о том, что в этих списках содержатся незначительные морфологические и лексические разночтения, которые не свидетельствуют о новом переводе. Куев опубликовал полностью текст «Сказания церковного» по рукописи F.I.376 и прокомментировал ряд лексических разночтений между списками [Куев 1981: 345–360]. Также автором было указано несколько рукописей, которые содержат выписки из «Сказания церковного». Это сборники XV–XVI вв. из библиотек Москвы, Петербурга и Румынии [Куев 1981: 328–343].

И, наконец, четвертый список хранится в Барсовском собрании ГИМа под номером 1498. Это русская рукопись рубежа XVI–XVII вв. К сожалению, список неполный, текст «Сказания церковного» обрывается после толкования Херувимской песни. Данный список не публиковался, отдельные его разночтения приводятся в книге К. Куева.

Сохранившиеся списки памятника дают возможность проанализировать язык перевода по всем уровням языка и решить вопрос о месте и времени его происхождения. Лингвистический критерий локализации древнеславянских переводов, разработанный А. И. Соболевским, основан на выделении в тексте лексических регионализмов. Так, им был составлен список лексем, свидетельствующий о моравском происхождении ряда памятников письменности [Соболевский 1900]. Перечень языковых моравизмов в настоящее время существенно уточнен. Определены критерии выделения западных регионализмов (моравизмов) в лексике старославянских памятников: употребление в памятниках чехо-моравского происхождения, связь с живыми западнославянскими языками и диалектами, отсутствие в южнославянских языках и диалектах, но употребление в книжных памятниках за-

падноболгарского происхождения [Mareš 1963: 417–451; Reihart 1980: 46–102; Гутянова 1986]. К.А.Максимович разделил моравизмы на две группы: моравизмы, отмеченные только в западнославянских памятниках и диалектах, и моравизмы, проникшие в болгарскую и древнерусскую книжность [Максимович 2005: 121]. Приметы переводов ближайших учеников свв. Кирилла и Мефодия, Климента Охридского и Константина Преславского, выявлены и описаны на материале их многочисленных гимнографических сочинений, открытых в последние десятилетия при изучении служебных миней, Октоиха и Триоди¹, что дало новый и интересный лингвистический материал для локализации древнеславянских переводов. Наша задача установить соотношение в тексте моравских и более поздних языковых черт и тем самым выяснить, является ли перевод моравским, как считал А.И.Соболевский, или он был сделан позже учениками Кирилла и Мефодия, а именно Константином Преславским.

1.1. Орфографические особенности древнейшего списка ГИМ, Син. 262.

Орфография древнейшего списка «Сказания церковного» имеют ряд примет, позволяющих судить, во-первых, о его антиграфе (т. е. списке, с которого он был непосредственно переписан), а во-вторых, о некоторых фонетических чертах старославянского списка, с которого начинается русская рукописная традиция этого памятника. Рукопись Син. 262 первой половины XII в., написанная в северо-восточной Руси, примечательна архаическими орфографическими особенностями, на которые обратили внимание еще Горский и Невоструев, когда описывали эту рукопись [Горский, Невоструев 1859: 433–434].

В списке Син. 262 имеется большое число написаний без сокращений тех слов, которые обычно сокращаются и пишутся под ТИТЛОМ: свѣтнѣльнѣнѣ, свѣщеннн, пророкъ, небѣсьскомъ, евангѣлнѣ, ангѣльскѣнмъ, престолн, хръстѣ. Наряду с лигатурным написанием предлога ѿ часто встречается его архаичный вариант: отъ ннхъ, отъ

¹ См., например: Попов 1985, Christians 2001, Йовчева 2004, Крысько 2005, Крашенинникова 2006, Кривко 2007.

пранна, отъ кръвн. Спорадически встречаются йотированные юсы, причем все они употреблены на этимологически верных позициях: върѣж 249г, ѿ всѣа 247в. Нередки написания большого юса, и все они также встречаются в этимологически правильных позициях: стюж (вин. ед. жен. р.) 245в, жже (вин. ед. жен. р. от жаже) 252в, жгль 249в. Встречается ряд написаний, где на месте этимологического юса большого пишется ю: заблюжшюю 246в, стюж 245в. Широко распространены формы с зиянием типа четверъзракаа, ношышаа, сѣра-фнмьскаа животнаа, нѣсьскаа, подданнѣ, а также древнеболгарские написания с редуцированным после плавного съмрътью, жрътвѣу, дръзновеннѣ. Подобные особенности известны и в других древнерусских рукописях XII в., которые восходят к старославянским протографам, например, «Ильина книга» [Верещагин, Крысько 1999: 3–26], служебные минеи [Кривко 2007: 237–240].

В некоторых написаниях прослеживаются особенности восточноболгарского списка, который мог лежать в основе русской рукописной традиции памятника. Это проявляется в некоторых написаниях, где отсутствует l-epentheticum, что свойственно восточноболгарским памятникам, особенно Супрасльской рукописи и Саввиной книге [Вайан 1952: 78–79] авъ л. 244в. (вместо ѡавъ)¹. Суффикс -ьск- перед ятем дифтонгического происхождения имеет только вариант -ьстъ: ѡлѣчьстън, елѣоньстън, а не -ьсцъ. Смягчение -ьск- в -ьстъ с утратой конечного фрикативного элемента характерно для восточноболгарских рукописей, а именно Супрасльской рукописи и в меньшей степени Ассеманиева евангелия. В Мариинском, Зографском евангелиях, Клоцевом сборнике употребляется исключительно вариант -сцъ [Вайан 1952: 82–83].

При сохранении архаичных старославянских особенностей список Син. 262 имеет весьма упорядоченную русскую орфографическую систему. Так, например, наблюдается последовательное распределение букв ѡ и ѡ. Юс малый чаще всего пишется после согласных, как мягких, так и полумягких, а «йотированный а» пишется в начале слова и после гласной. Исключения из это-

1 В издании Н.Ф.Красносельцева эта форма была передана с ошибкой: ѡ въ древо кръстьноѣ. В списке Вена, cod. slav.12 мы видим ѡавъ на месте авъ, что соответствует греческому чтению δεικνός τὸ ξύλον τοῦ σταυροῦ.

го правила немногочисленны. Так же распределены буквы ѡу и ю: ѡу пишется после твердых согласных, после шипящих и ц, всегда пишется ю. Подобным образом распределены буквы є и ѣ: є пишется после согласных и в заимствованных словах типа архъѣре-омъ, євангєлнє, єдемъ, а ѣ пишется после гласной и в начале слова.

Особо следует отметить употребление ижицы в греческих и славянских словах, так как в списке есть случаи ее архаичного употребления. Буква ҃ пишется на месте греческой υ в заимствованных словах — например, м҃ро. В славянских словах она пишется после некоторых мягких согласных, в основном после ц, и фонетически равна ю: агньц҃, овьц҃, тельц҃, плацаннц҃. Один раз встретилась ҃ после р — олтар҃. Такие фрагментарные написания, по-видимому, сохранились от более раннего протографа «Сказания», так как схожее явление отмечено в древнерусских рукописях XI–XII вв., например, в Путятиной минее, где ҃ употребляется как графический дублет ю [Марков: 2003: 458–466] и в Бычковско-Синайской псалтыри [Кривко 2004: 317–359]. Буква Ѹ выступает как графический вариант ѡу в позиции конца строки, однако есть немногочисленные исключения: Ѹгожено, Ѹпъ|ваннє.

В Синодальном списке «Сказания церковного» всегда сохраняются редуцированные њ и ѣ в сильной позиции, прояснение њ в ѡ и ѣ в є встречается эпизодически — коземѡу 240а (подробнее об этом слове см. ниже). В слабой и абсолютно слабой позициях (в словах типа къннгы, дъвоє, мънозн) редуцированные преимущественно сохраняются, однако все же встречаются случаи их утраты (например, дрѣвнѡу 246б, глѣт сѧ 239в, проповѣдѣ сѧ 250б). Отсутствие вокализации сильных редуцированных при пропусках слабых редуцированных относится к раннему этапу процесса падения редуцированных в древнерусском языке, что может свидетельствовать о времени написания антиграфа Синодального списка.

Как следствие падения редуцированных можно расценивать случаи написания так называемого «нового ятя»: зѣмьноє 238б, свѣдѣтѣльства 238б, на нѣмьже 238г, възкръсновѣныє 239а, словѣсь-но 239б, нѣѣѣсьскомъ 242б, о нѣмьже 244в, по сѣмьже 250в. Случаев отражения «нового ятя» в списке памятника не так много, поэтому нам представляется, что это фонетическое явление было отражено

в тексте антиграфа Синодального списка; возможно, он был галицко-волынского происхождения. Появление нового ятя в русских рукописях фиксируется уже с конца XI в., например, это явление отмечено в Бычковой псалтыри XI в. [Кривко 2004: 110–112].

Спорадически встречаются написания со вторым полногласием мълънна 249 б., присущее русским рукописям с XI века, но в целом это фонетическое явление для списка не характерно.

Все описанные выше особенности могут свидетельствовать о том, что Синодальный список «Сказания церковного» был сделан с рукописи рубежа XI–XII вв. галицко-волынского происхождения. Об этом свидетельствуют спорадические случаи написания «нового ятя» и второго полногласия. Антиграф Синодального списка, как нам представляется, мог быть уже непосредственно переписан с южнославянского оригинала, причем восточно-болгарского происхождения. От него сохранилась большая часть старославянских написаний: употребление йотированных юсов и слоговых плавных, написания с зиянием гласных, формы местного падежа на –стѣ и формы без l-epentheticum.

Южнославянские списки памятника отражают утрату старославянской орфографии и ориентацию на новые литературные нормы книжников круга Саввы Сербского (Вена, cod. slav. 12) и Тырновской книжной школы (РНБ, F.I.376 и ГИМ, Барс. 1498).

1.2. Особенности языка памятника в области морфологии

Синодальный список «Сказания церковного» содержит большое число архаизмов, свидетельствующих о древности его старославянского протографа. Так, например, нестяженные формы полных прилагательных преобладают над стяженными: новѣаго, трнѣвѣаго, разоумѣнаго, пророцьскоуоумоу, вѣчьноуооумоу, вѣсьмьртноуоумоу. Частотно употребление кратких прилагательных в атрибутивной функции: бѣламн рнзамн, прапроуднамн доугамн. Другие списки памятника не сохраняют этих форм, а заменяют их более поздними членными стяженными формами пророцьскомоу, вѣчномоу, бѣлымн, прапроуднымн и т. д.

Для локализации переводов важными признаками являются некоторые морфологические данные, такие как наличие в тек-

стах простых аористов и сигматических аористов старого типа, архаичных действительных причастий прошедшего времени от глаголов с основой инфинитива на –н, глагольные формы 3-го лица двойственного числа на –тє. Все эти особенности свойственны текстам, созданным в западном регионе Первого Болгарского царства [Вайан 1952: 261–264, 274–275, 249].

В тексте Синодального списка встречается ряд форм глаголов 3-го класса, в которых происходит утрата интервокального йота в парадигме настоящего времени и уподобление окончания предшествующему гласному: съказаать, прнстоупаать, нарицаать сѧ. Такие формы очень частотны в македонском Мариинском евангелии [Вайан 1952: 251].

В тексте «Сказания церковного» употребляются действительные причастия прошедшего времени архаичного типа от глаголов 4-го класса на –и: оунць сѧ, проображьши сѧ, съвършьши сѧ, възпльць сѧ, наоучьши сѧ, нзволь, ношьшаѧ. Употребление действительных причастий прошедшего времени нового типа с суффиксом –въш– не отмечено. В тексте два раза встречается архаичное причастие настоящего времени горюць от глагола горѣти (249г, 259в). Это причастие регулярно встречается в языке древнеславянских служебных миней [Пичхадзе 2009: 303].

В Синодальном списке памятника имеются случаи употребления простого аориста: сѧдоу (3 л. мн.ч) 240а, спасомъ сѧ 257а. В глаголах третьего лица двойственного числа встречается только окончание –тє: стоѧтє нозъ, станѧтє нозъ 240г. Употребление простых аористов и 3-го лица дуалиса на –тє свойственно древнейшим глаголическим рукописям западного региона Первого Болгарского царства: Мариинскому евангелию, Синайской псалтыри, Клоцеву сборнику [Вайан 1952: 249, 265]. В Венском списке памятника окончание –тє в двойственном числе заменяется на окончание –та, а в списке F.I.376 простые аористы заменяются сигматическими.

Примечательна форма числительного 24 — чѣтыре третьюмоу десѧти. Это числительное употреблено в следующем контексте: въз възшьнаѧ свѣтнаѧ. нѣрѣомъ н нѣвѣсьскомъ слоужнтелемъ н свѧтнтелемъ естъ презвнтеръ д. третьюмоу десѧти (ѣв таѣс ѧνω

λαμπρότησι τῶν οὐρανίων λειτουργῶν καὶ ἱεραρχῶν, εἰσὶ πρεσβύτεροι εἴκοσι τέσσαρες). В Венском списке числительное передано буквенной цифирью к̑д, и форма сказуемого заменена множественным числом: соуть пресвотѣрн к̑д. Синодальный список и список F.I.376 воспроизводят очень редкую модель образования числительных третьего десятка, которая структурно как бы продолжает ряд второго десятка. Известны два варианта таких образований. Первый — между десятма + числительное первого десятка (24 — чѣтыре между десятма) — засвидетельствован неоднократно, следы этого образования сохранились в чешском языке: dvamecitma — 22 [Супрун 1961: 17]. Вторая модель — числительное первого десятка + дательный или родительный падеж числительного третьего десятка — известна в некоторых хорватских памятниках, в частности в текстах «Малых пророков» хорватской редакции: въ чѣтырѣтън третіаго десате [Вайан 1952: 193]. Эта модель в тексте представлена также и числительным 49 — дѣвять пѣтоумоу десатн 241б — и сохраняется во всех списках.

Итак, перечисленные морфологические особенности известны в македонских и хорватских памятниках. Кроме рассмотренных выше региональных южнославянских черт, в рукописи Син. 262 имеются некоторые морфологические особенности, которые свидетельствуют о том, что ее антиграфом могла быть русская рукопись XI века. На это указывают падежные окончания дательного падежа множественного числа -ьмъ: похотьмъ, людьмъ, где сохраняется древнее окончание склонения на -*i; окончание -ьмъ в творительном падеже единственного числа склонения на -*o: хлѣбьмъ, звокъмъ, образьмъ, каднлѣмъ, съ ннкоднмъ, съ страхьмъ, съ нстнньмъ. Наряду с ними нередки формы с окончанием -омъ: похсомъ оусныаномъ, прьстомъ, вномъ, жезломъ, уловькомъ и т. д. Спорадически встречаются формы родительного падежа женского рода на -ѣ склонения на *ja: до зѣмлѣ 241а.

Итак, в тексте «Сказания церковного» имеются западноболгарские морфологические черты, представленные в Синодальном списке и частично в более поздних списках — Венском и F.I.376, а также древнерусские особенности XI века, спорадически встречающиеся в Син. 262.

1.3. Лексика «Сказания церковного»

«Сказание церковное» имеет чрезвычайно интересный лексический состав. При сопоставлении всех списков памятника обнаруживаются первичные и вторичные чтения, а также региональные варианты, введенные в текст перевода при его миграции на другие славянские территории. Здесь немало архаичных и локальных чтений, распространенных на узких территориях и зафиксированных в небольшом числе памятников. Эти чтения дают возможность предположить, где был сделан перевод, и проследить, как проводилась правка в более поздних списках.

Рассмотрим сначала литургическую лексику, тематически наиболее частотную в этом тексте, а затем отдельные лексические употребления. В сфере литургической терминологии «Сказание церковное» содержит значительное число гапаксов, неизвестных по другим памятникам и не зафиксированных словарями. Приведем их.

анаволе — τὰ ἀναβόλαια

анаволе же соуть по анаволеомъ њже ношахоу рнзѣ бѣжнн аплн (τὰ δὲ ἀναβόλαια ἄσπερ ἐκεῖνοι (ἀπόστολοι) ἐφόρουν ἱμάτια). Это слово имело несколько значений — белая крестильная рубаха и часть монашеского облачения. Изначально у египетских монахов это был плат, который придерживал одежду у плеч и предплечий (т. е. современный аналав). В толковании св. Германа это слово уже означает рясу [ПЭ II: 207]. Форма именительного падежа множественного числа этого слова имеет древнее окончание мужского рода -ε (как у существительных типа сынове, камене, прнѣтеле), но, возможно, изначально имела форму анаволеε, а форма анаволе возникла в результате апокопирования последнего гласного. Скорее всего, форма именительного падежа единственного числа у этого существительного была анаволен, так как большинство греческих существительных среднего рода в старославянском языке усваивались как существительные мужского рода [Вайан 1952: 143]. Судя по форме дательного падежа множественного числа анаволеомъ, это существительное склонялось по архаичной парадигме типа фарнсен (дат. мн. фарнсеомъ). Неустойчивость значения этого сло-

ва в средневековье отражается и в славянских списках. В Венском списке *анаволе* заменяется на *анлавь*, причем там это чтение явно вторично: при единственном числе формы *анлавь* сохранена форма множественного числа глагола *соуть*, а форма дательного падежа множественного числа *анлавнѣмь* явно искусственна.

атре (Вена, cod. slav. 12, F.I.376, Барс. 1498) : *атретниѣкѣ* (Син. 262) — *ὁ ἄηρ* *καταπέτασμα σνρѣъ атре* еже есть тонкоѣ платно . нмъже покрывають съсуды . есть н глѣтѣса въ камене мѣсто нмъже оутвърдн гробъ носнфъ (*τὸ καταπέτασμα ἧγουν ὁ ἄηρ ἐστὶν ἀντὶ τοῦ λίθου οὗ ἐσφάλισε τὸ μνημεῖον ὁ Ἰωσήφ*). Обычный славянский перевод для греческого слова *ἄηρ* — *въздѣхъ* или же грецизм *аеръ* [СДРЯ II: 47]. Слово *атре* не зафиксировано ни одним словарем, и значение его не вполне ясно. Нам представляется, что можно связать это слово с латинским прилагательным *ater, atra, atrum* — «черный», от которого происходит множество слов: *atrium* (изначально помещение, почерневшее от копоти, затем передняя комната в доме, во дворце), *atritas* (черный цвет), *atratus* (одетый в черное, в траур) [Дворецкий 1986: 86–87]. Славянский фрагмент не соответствует греческому тексту, слову *ἄηρ* дается не перевод, а комментарий, что это ткань черного цвета. Возможно, что в оригинале славянского перевода толкование *аера* отличалось от опубликованных греческих текстов, которые используются в этой работе. Отметим, однако, что латинский перевод Анастасия Библиотекаря согласуется с греческим текстом: *velum sive aer est et dicitur pro lapide, quo Iosef munivit sepulcrum* [Borgia 1912: 31–32]. Можно также предположить, что перед нами оригинальная славянская вставка и это добавление славянского переводчика. Интересно само указание на черный цвет, ведь в современном богослужении цвет *аера* и *катапетасмы*, а вместе с ними и облачения священнослужителей варьируется в зависимости от церковного календаря. Черный цвет употребляется во время Великого поста (кроме суббот и воскресений) и на Страстной седмице. Поскольку события, приводимые в качестве толкования *катапетасмы*, относятся к Страстной пятнице, можно предположить, что здесь комментируется именно великопостный *аер* черного цвета. Так или иначе, мы сталкиваемся с двумя неизвестными ранее словами среднего рода, обра-

зованными от одного корня: существительным $\alpha\tau\rho\epsilon$ и субстантивированным прилагательным, образованным не совсем понятным способом — $\alpha\tau\rho\epsilon\tau\eta\nu\epsilon\kappa$. Возможно также, что в Син. 262 представлено искаженное чтение.

внма — $\beta\eta\mu\alpha$

В Синодальном списке памятника употребляется редкий грецизм *внма*, означающий алтарное возвышение в храме. В качестве славянского эквивалента этого грецизма обычно употреблялось слово *олтарь*, передающее общее значение алтарного пространства церкви и отдельных его частей — жертвенника и престола. Реже это слово переводится славянским словом *жрътвенникъ*, этот вариант представлен в переводе устава литургии в редакции Евфимия Тырновского [Сырку 1890: 11]. В списках F.I.376 и Барс. 1498 слово *внма* заменено на *олтарь*.

вѣтръннцн — $\tau\acute{\alpha}$ $\rho\iota\lambda\acute{\iota}\delta\iota\alpha$

Славянский вариант для перевода греческого $\rho\iota\lambda\acute{\iota}\delta\iota\omicron\nu$ не встречается в древнеславянских памятниках, обычно употребляется грецизм *рнпнда*. Слово *вѣтръннцъ* в значении «опахало, веер, *flabellum*» зафиксировано в Шестодневе Иоанна, экзарха Болгарского [Срезневский III: 498], но в нем оно употреблено не как литургический термин. Это слово в значении «опахало» известно в современном словенском языке [Mikloshich: 123]. Возможно, это локальный литургический термин, который был распространен в западнославянских землях и впоследствии вышел из употребления. Отметим, что данный термин в тексте встречается дважды и сохраняется во всех списках.

дольматнца (Вена, cod. slav. 12) :

стнхарь (Син. 262, F.I.376, Барс. 1498) — $\sigma\tau\iota\chi\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\nu$.

Слово *дольматнца* употреблено дважды в Венском списке «Сказания церковного»: *доугъ же дольматнцн ѣже на роукавоу ѣвляють везанье хво; а доугъ долматнцъ ѣже по странама соуть по крѣвн текъши нз рѣбрь хвь*. Слово употреблено в родительном и дательном падежах, и в обеих формах сохраняется *ц*, поэтому именительный падеж мы реконструируем как *дольматнца*, а не *дольматнка*, как это слово звучало бы по-латински. Появление *ц* здесь вполне закономерно, это рефлекс регрессивной палатализации задне-

язычного к. «Далматика» в современной католической церкви — это часть облачения католического священнослужителя, верхняя расшитая риза, надеваемая поверх туники, во многом близкая православному стихарю. Этот литургический термин в «Сказании церковном» наряду с другими латинизмами нам представляется первичным. Употребление в корне гласного «о» свидетельствует о заимствовании данного слова в раннюю эпоху, когда краткие гласные «а» и «о» латинского и греческого языков передавались через славянское о, восходящее к праславянским кратким гласным (ср.: оltарь, погань, сотона). Вставка неэтимологического редуцированного между л и м свидетельствует о действии в период заимствования закона открытого слога. Впоследствии, как нам представляется, это редкое слово было заменено обычным для православного облачения словом стнхарь. В латинском переводе Анастасия Библиотекаря греческое слово στήχιον переведено как tunica [Borgia 1912: 17].

канкѣла (Вена, cod. slav. 12, F.I.376, Барс. 1498) :
 каѡгла (Син. 262) — καυκέλλα

Грецизм, который в свою очередь является заимствованием в греческий из латыни — cancelli, -ogum (решетка, ограда). В славянском переводе он осмыслен не как существительное среднего рода множественного числа, а как существительное женского рода единственного числа. Это подтверждается двумя контекстами, где данное слово встречается: каѡгла/канкѣла кѣсть молнтвѣ мѣсто.., кѣсть же въ нстннѣ н въ стѣмь гробѣ каѡгла/канкѣла мѣдана... В Синодальном списке, по-видимому, представлено испорченное чтение, потому что на поле листа 240, рядом со словом каѡгла, рукой писца написано тѡ бѡ, что свидетельствует о непонимании писцом значения этого слова.

люхн (Син. 262) : ножь — λουχή

Данное слово означает литургическое «копие» — нож, которым разрезается просфора. Обычный славянский эквивалент для λουχή — копнѣ. Здесь перед нами очень редкое употребление — грецизм люхн¹.

1 Выражаю сердечную благодарность Димитру Пееву за ценные замечания и консультации. Ему принадлежит перевод «Сказание церковное» на современный болгарский язык [Пеев 2007: 132–158].

Другие списки этого слова не воспроизводят, а заменяют его общеупотребительным копнѣ или ножь. Отметим, что в Син. 262 слово люхн встретилось один раз, в остальных случаях употреблены слова ножь и копнѣ. На поле рядом с этим словом (л. 245а) писцом написано т̑х̑; по-видимому, оно было не понятно копиисту, но он его сохранил, пометив глоссой, что это не его ошибка. Представляется, что перед нами грецизм, в котором ю передает большой юс южнославянского оригинала, появившийся из сочетания -lon- (λοϋ) и последующей монофтонгизации в носовой гласный. Этот грецизм в старославянском языке выглядел бы как л̑х̑нн, так как существительные женского рода на -η, а особенно на -ή переходили в склонение женского рода на -nn: пен-тнкоствнн, скннннн и проч. [Вайан 1952: 142]. В одном из сборников Синодального собрания ГИМа, Син. 591 XVI в., на л. 206 об. имеется небольшая статья, содержащая краткий перечень символических значений богослужебной утвари. Среди названий находим слово логхн — а ножнкъ логхн. Здесь грецизм логхн более позднего происхождения, передающий греческое написание слова, а не его произношение. Тем не менее, можно предполагать, что такой грецизм существовал в церковнославянском языке, но был на периферии церковнославянской нормы.

обрѣзаннѣ — ἡ προσκομιδή

Обрѣзаннѣ вѣваемое въ съсудохраннлннннн . съказаѣтъ краиннѣво мѣсто (ἡ προσκομιδή ἡ γενομένη ἐν τῷ σκευοφυλακίῳ ἐμφαίνει τοῦ κρανίου τὸν τόπον). Слово обрѣзаннѣ прямо описывает действие священнослужителя над хлебом — он вырезает Агнца из просфоры. Славянский вариант в данном случае не является буквальным, он не передает внутреннюю форму слова προσκομιδή, что обозначает «приношение», «подношение». Здесь мы сталкиваемся не с буквализмом перевода с греческого, что очень характерно для преславских переводов, а с буквализмом в передаче действия. По-видимому, такой способ перевода очень ранний, относящийся к тому периоду, когда литургическая терминология в церковнославянском языке только начинала формироваться. В дальнейшем в славянских памятниках слово обрѣзаннѣ стало обозначать праздник Обрезания Господня, либо сам процесс обрезания (περιτομή). Греческое слово προσκομιδή

стало передаваться грецизмом *проскомидна* или славянской калькой *предложенне*.

олокарпома — *όλοκάρπωμα*

Греческие слова *όλοκαύτωμα* и *όλοκάρπωμα* обозначают жертву всесожжения, т.е. полностью сжигаемую жертву, и в тексте Септуагинты являются синонимами [Sophocles: 802]. В славянских текстах в качестве переводов этих греческих слов употребляются кальки *всесъжженне* и *всеплодство* [СДрЯ II: 279, 277], *всеплоднаѧ жертва* [Срезневский I: 470–472], *всеплодне* [SJS II: 366, 368]. Грецизм *олокавтомата*, *олокавѣтось* достаточно распространен в древнеславянских переводах для греческого *όλοκαύτωμα* и *όλοκαύτωσις* [СДрЯ VI: 121, SJS II: 538, Срезневский II: 662]. Известен также грецизм *олокарпось* для греческого *όλοκαύτωσις* в тексте Григоровичева паримейника [SJS II: 539]. Грецизм *олокарпома* (Син. 262) и *олокафома* (Вена, cod. slav. 12) зафиксирован только в «Сказании церковном». В списке РНБ, F.I.376 грецизм заменен славянской калькой *всесъжженне*.

олтарница — *κόχη*

Олтарница есть по образу *внѣлемьскаго вѣртѣпа* (*κόχη ἐστὶ κατὰ τὸ ἐν Βηθλεὲμ σπήλαιον*). В данном контексте речь идет об апсиде и об апсидном пространстве в алтаре. В древнерусских непереводах памятниках, таких, например, как «Правило Ильи, архиепископа Новгородского» или в сборнике «Златая Цепь», большинству статей которой греческие оригиналы не найдены, в этом значении используется словосочетание *малын олтарь* [Срезневский II: 663; СДрЯ VI: 121]. Термин *малын олтарь* часто встречается в древнерусских списках литургии Иоанна Златоуста в богослужебных указаниях и при описании действий священнослужителей. Термин *олтарница* в списках «Сказания церковного» неустойчив, в списках F.I.376 и Барс. 1498 он заменяется на *олтарь*, что может свидетельствовать о его локальном распространении.

положнанице — *τὸ καταθέσιον*.

Нам представляется, что это слово означает «место, куда что-то кладут, вместилище». Оно употреблено в следующем контексте: *ѣже естъ образъ стѣнн гробъ онъ олтарю и положнанице на немъ-*

же положнса сѣтоиє н прѣсѣтоиє тѣло (ἐστὶ δὲ ἀντίτυπον τοῦ ἁγίου μνήματος τὸ θυσιαστήριον καὶ τὸ καταθέσιον δηλαδὴ ἐν ᾧ ἐτέθη τὸ ἀχράντον καὶ πανάγιον σῶμα). Здесь мы сталкиваемся со славянской калькой, которая, по-видимому, имела локальное распространение. В Синодальном списке это чтение заменено глагольной формой положнста, в южнославянских списках оно сохраняется.

сѣвнтоиє — τὸ εἰλητόν

Слово сѣвнтоиє — редкий славянский вариант, который не отмечен в словарях, однако встречается в богослужебных указаниях некоторых древнерусских служебников, например, в служебнике Ярославского музея-заповедника № 15472 (л. 108) и в служебнике Соловецкого собрания РНБ № 1016/1025 (л. 59 об.) Нормативным и наиболее часто встречающимся термином в соответствии с εἰλητόν является грецизм лантонъ, лнтонъ.

В «Сказании церковном» есть ряд архаичных и редких слов, известных в ограниченном круге памятников, преимущественно в южнославянских памятниках западного происхождения.

блнцѣннѣ — ἀστραπή

Это слово в значении «молния» редко встречается в славянской письменности, обычное его значение «блеск, сияние». В «Сказании церковном» оно употреблено именно в значении «молния»: яко нногда мостѣвн гласъмь блнцѣннѣ н трѣубьнымь звыкомь н мьглою — как когда-то [Бог говорил] Моисею громом, молниями, звуком труб и тьмой — (ὡς ποτὲ τῷ Μωυση̄ διὰ φωνῶν καὶ ἀστραπῶν καὶ σαλπύγων ἤχη καὶ γνόφω...). Подобное значение этого слова зафиксировано в глаголическом Клоцевом сборнике [Mikloshich 1977: 31], а также в «Мучении папы Стефана» и «Мучении св. Вита», произведениях, переведенных, по мнению А.И.Соболевского, с латыни одним и тем же переводчиком [Соболевский 1903: 295; Соболевский 1905: 107]. Blesk в значении «молния» сохранилось в современном чешском языке.

бръшьноватн, бръшьныце — μεταλαμβάνειν, μετάληψις

Архаичные слова, вытесненные впоследствии словами прнчѣшатнса, прннматн; прнчѣстнѣ, прнчатнѣ. Слово бръшьныце имеет весьма узкое распространение, оно зафиксировано в «Заповедях святых отец»

в составе Синайского евхология [Пенкова 2008: 59]. Также это слово известно в глаголических миссалах: Синайском миссале XI в. 5/N, в Венских листках XI–XII вв., во фрагментах Сплитского миссала. Это свидетельствует о его локальном узусе; возможно, слово брѣшьньце в значении «просфора», «причастие» — далматский культурный диалектизм [Максимович 2008: 82]. Слово брѣшьнюущаѣа (вин. множ. причастия наст. вр. от брѣшьнювати) в значении «причащающиеся» зафиксировано только в «Сказании церковном»¹.

велнка ноць — пѣсѣха

Такой же перевод греческого слова пѣсѣха известен только в Евангелии от Никодима [SJS I: 173]. Для обозначения праздника Пасхи velikopose до сих пор используется в современном чешском языке [Соболевский 1910: 13], а также в польском, словацком и словенском языках, в отличие от болгарского и македонского языков, где употребляется слово Великден.

гротъ (F.I.376) : грѣвъ (Син. 262) : гровъ (Вена, cod. slav. 12) — кратѣр

Уаша же естъ пакъы по гроту нже кнжынь мѣдрвстн рекше прѣмѣдрвсть (τὸ ποτήριον δὲ πάλιν ἐστὶν κατὰ τὸν кратῆρα ὃν γράφει Κύριος, ἦτοι ἡ σοφία). Из всех представленных вариантов первичным следует признать гротъ. Слово *hrot* со значением «лохань, деревянная посуда, подойник» известно в чешских диалектах, в южнославянских языках *grot* имеет значение «горло, горловина» [ЭССЯ 7: 140–141]. И.И.Срезневский связывает церковнославянское гротъ со средне-латинским *grassal* от лат. *crater*, *-eris* «сосуд для смешивания воды» и производным от него *graal*, *greal* «грааль». В церковнославянских памятниках это слово встречается крайне редко и известно только в 13-ти Словах св. Григория Назианзина по списку XI в. [Срезневский I: 598]. Оно употреблено в Слове 10, которое, по мнению С.Кульбакина, наиболее архаичное среди всех гомилий сборника и является македонским переводом, никак не связанным с восточноболгарской переводческой школой [Кульбакин 1940: 33–

1 В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (Т. I, с.328) ошибочно приводится значение брѣшьнювати как «принимать пищу», «вкушать», а брѣшьньце как уменьшительное от брѣшьню. Их греческие соответствия позволяют однозначно интерпретировать эти слова как литургические термины причащающихся и причащение.

34]. Славянское слово грѣбъ со значением «сосуд для смешения вина и воды» в словарях не зафиксировано. По данным ЭССЯ, глагол *grebti имеет значение «черпать воду» только в болгарском и сербохорватском языках наряду со значениями «рыть, чистить, скрести»; в других славянских языках он передает значение «копать, рыть, царапать» (словенск.), «хоронить» (чешск., польск.), «грести лопатой или веслом» (рус.) [ЭССЯ 7: 109–110]. По-видимому, слово грѣбъ в значении «чаша» связано с южнославянской зоной, им было заменено неизвестное в южнославянском регионе слово гротъ. В Венском списке представлено искаженное чтение.

каландѧ (F.I.376) : калъноуѧ (Син. 262)

а еже по велѣнъи божи до пантѣкостѣи не покланатѣса до земли . снрѣчь калъноуѧ (τὸ δὲ μέχρι τῆς πεντηκοστῆς μὴ κλίνειν τὸ γόνυ ἔστι τὰς ἑπτὰ ἡμέρας μετὰ τὸ ἅγιον λάσχα). В «Сказании церковном» слово каландѧ поясняет греческую фразу и, скорее всего, означает Светлую седмицу, или первые семь дней после Пасхи. В латинском языке calendae имеет два основных значения. Первое, наиболее распространенное, — это первые дни месяца. Второе значение, переносное, связанное с распространением христианской культуры, — языческий новогодний праздник. Латинизм каландѧ в своем первом значении отмечен в некоторых древних славянских переводах. Так, это слово известно в старославянских памятниках как болгарского происхождения — Изборнике 1073 г., Супрасльской рукописи, так и западнославянского — Номоканон Мефодия, Житие Вацлава [SJS II: 7], а также употребляется в оригинальных восточнославянских произведениях Новгородской 1-й летописи и в «Сказании о Борисе и Глебе» [Срезневский I: 1181, СДРЯ IV: 194]. Во втором значении оно встречается один раз в «Заповеди святых отец» [Максимович 2008: 73–74]. Интересно отметить, что в «Сказании церковном» оно не переводит конкретное слово, а употреблено в поясняющем значении, т. е., по-видимому, является понятным для читателя. Можно предположить, что это слово было известно в кругу тех, кто осуществлял перевод. Показательно, что в Венском списке слово каландѧ заменено на колъно, а в Синодальном списке употреблено с искажением: калъноуѧ. Это свидетельствует о локальном распространении

нии слова, которое, скорее всего, можно считать латинизмом, характерным для западнославянской зоны, где это слово было употребительно. В болгарском языке слово «коледа» изменило свое значение и теперь означает Рождество Христово [Героу 2: 390].

κατηχοῦμενъ — κατηχοῦμενος

Грецизм *κατηχοῦμενъ* довольно рано вышел из употребления, и вместо него стал нормативным славянский эквивалент *оглашеньныи*. Распространение этого слова весьма ограничено: Студийский устав, Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского, Номоканон Мефодия по Устюжской кормчей [СДрЯ IV: 206, Срезневский I: 1199, SJS 2: 17].

козмнтъ (ὁ κοσμητής) и коземъ (τὸ κόσμιον)

козмнтъ же есть по *законѹмоу* н *ѣтомуу* *коземѹ* (в Венском списке *козмоу*) *навлана распатаго хѣ образъ* (*κοσμητής ἐστὶ κατὰ τὸν νομικὸν καὶ ἅγιον κόσμιον ἐμφαίνων τοῦ σταυρωθέντος Χριστοῦ ἐκσφράγισμα*). *Козмнтъ* — редкий грецизм, означающий столбцы, на которые навешивались царские врата. В словарях слово отмечено только в «Вопрошании Кирика» [СДрЯ IV: 235]. Этот грецизм имеется лишь в Синодальном и в Венском списках, в F.I.376 он заменен славянским эквивалентом *оукрашєннє*. *Коземъ*, судя по греческому эквиваленту, имеет значение «украшение», «устройство» [Sophocles: 683]. В словарях это значение не зафиксировано, по-видимому, этот грецизм имел весьма редкое употребление. *Коземъ* — форма мужского рода, образовавшаяся от греческих существительных среднего рода на *-ιον*: *кнворъ* — *κιβόριον*, *преторъ* — *πραιτώριον*. Однако фонетически здесь была бы ожидаема другая модель, типа *лєнтнн* — *λέντιον*, тогда было бы *козмнн* — *κόσμιον*, поскольку перед суффиксом *-ιον* имеется два согласных. В нашем же случае образование формы *коземъ* сопровождалось появлением вставного неэтимологического *ь*, который впоследствии прояснился в *є*.

крнжьма/ хрнзма/ муро (Син. 262) : муро (Вена, cod. slav. 12) :
масло/ вонѣ (F.I.376, Барс. 1498) — *μύρον*.

Греческое слово *μύρον* в тексте памятника встречается три раза и переводится четырьмя разными словами. Венский список во всех случаях передает *μύρον* грецизмом *муро* с рефлексом огубленно-